

Бакиров В. С.

КОММУНИКАТИВНАЯ ПРИРОДА ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СОЦИУМА

У статті автор аналізує деякі аспекти комунікативної природи просторово-часових характеристик соціуму. Автором дано визначення соціального часу та соціального простору. Результатом дослідження є висновок, що часові та просторові уявлення людини не даються йому від народження та не виробляються персонально. Вони задаються соціальною комунікацією, в якій більш повно виявляє себе символічна влада. Противитись їй важче ніж владі політичній та владі економічній.

В статье автор анализирует некоторые аспекты коммуникативной природы пространственно-временных характеристик социума. Автором дано определение социального времени и социального пространства. Результатом исследования является вывод о том, что временные и пространственные представления человека не даны ему от рождения и не вырабатываются персонально. Они заданы социальной коммуникацией, в которой наиболее полно проявляет себя символическая власть. Сопротивляется ей намного сложнее, чем власти политической и власти экономической.

The author analyzed some aspects of communicative nature of time-space social features. The author defined the social time and social space. The result of investigation is a conclusion about that the time and space aren't given to the human from his/her birth and aren't developed by the person. Its given by social communication, where the symbolic power revealed. It is harder to makes opposition to it, then to the political and economical power.

Есть несколько аспектов этой проблемы, к которым хотелось бы привлечь внимание. Первый – самый очевидный. Каждый из нас – потенциальный реципиент смыслов, идущих из глубины времен. Мы наблюдаем, что смыслы способны приходить к нам из самых отдаленных глубин исторического времени, начиная с тех, которые были закодированы в произведениях наскальной живописи, в египетских и шумерских текстах, в греко-римской скульптуре, в готической архитектуре, в музыке Генделя, Баха, Телемана и т.д. Фактически весь исторический континуум мировой культуры есть собрание закодированных в соответствующих знаковых системах *смыслов*, прочтение которых современному человеку по большей части и недоступно и безразлично.

Социальное время и время историческое – разные понятия. Социальное время – структурированная последовательность качественных состояний социума (эпох, времен). Это не сплошной поток сменяющих друг друга событий, а смена качественных состояний. Одни из них могут длиться невероятно долго, другие торопятся сменить друг друга. И каждое качественное состояние социума отличается смысловой определенностью. Оно может быть истолковано как огромный текст, как семиотическое единство, отличающееся единством означающего и означаемого, набором (системой) смыслов и соответствующими культурными кодами, в которых зашифрованы эти смыслы выражающими. От нашей способности различать нюансы зависит масштаб структурирования социального времени. Можно рассматривать советскую эпоху как единый социально-временной континуум, отличающийся от *до-советского* и *пост-советского* времени. Но можно внутри нее различать самостоятельные структурные единицы, скажем период культа личности, период оттепели, период перестройки, каждый из которых есть единство денотата и знака и подлежит своему семиотическому прочтению.

Социальное время это не только структура последовательности сменяющих друг друга качественных состояний социума, структура, которую можно наблюдать с позиции постороннего наблюдателя. Что мы и делаем, вглядываясь в наше социальное прошлое. Социальное время – это также время, в котором мы пребываем, которое мы проживаем, которому мы принадлежим как его порождение. Это время, которое мы понимаем, время, знаки которого мы способны расшифровать и смыслы которого мы способны прочесть. Совершим мысленный эксперимент – представим человека наших дней, перенесенного в очень далекое будущее – на 30-40 тысяч лет вперед. Оказавшись физически в данной точке космологического (физического) времени этот человек будет не в состоянии пребывать в данной точке нового социального времени, поскольку не будет способен к прочтению его смыслов и не сможет быть включенным в его семиозисы. Так же, как кроманьонец, или, скажем, человек черняховской культуры, перенесенный «машиной времени» в Слободскую Украину XXI века не сможет находиться в нашем времени, поскольку он будет вне его семиотики.

Приведем более понятный пример. Наши дети уже не в состоянии прочитать смыслы, которыми наполнены не такие уж далекие 60-70-е годы. Мы и они принадлежим разным социальным временам, представленным иными знаковыми структурами. Старшие поколения находятся в двух временах, а может быть и между двумя временами. Они уже не в старом времени, которое стало виртуальным и существует главным образом в телеканале «Ностальгия». Но они и не в новом времени, символические и знаковые системы которого им во многом недоступны и смыслы которого они по преимуществу не могут и не хотят постичь.

Блаженный Августин писал: «Совершенно ясно теперь одно: ни будущего ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен – прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего – это память; настоящее настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание». (*Августин Аврелий* Исповедь. ..Кн. 11, гл. XX. Издательство: М., Директ-Медиа, 2002. – С.26 (509 с.).

Фактически можно строить типологию социальных групп и личностей по критерию их пребывания в социальных временах. В первом приближении в нее войдут люди, принадлежащие исключительно социальному настоящему; люди, принадлежащие и настоящему и ближайшему социальному прошлому; люди, живущие также и в более отдаленном прошлом, наконец, единицы, живущие во всем обозримом социальном времени – от современности до античности, люди, способные распредмечивать смыслы основных предшествующих культурных пластов. Речь идет о редких и исключительных аристократах духа, таких как Питирим Сорокин, Арнольд Тойнби, Алексей Лосев, Сергей Аверинцев, Арон Гуревич и этот список очень трудно продолжить.

Социальное прошлое постоянно пытается говорить с нами, с живущими сегодня поколениями, с каждым из нас. Оно посылает нам неисчислимое множество сообщений, закодированных в музыке, живописи, литературе, философии, научных трактатах, архитектуре, в религиозных догматах.

Это все каналы коммуникации, которые остаются в большей или меньшей мере не востребованными. Один из наиболее эффективных каналов коммуникации, конечно, церковь. Этот институт ревностно хранит, интерпретирует и транслирует религиозные смыслы, идущие из глубины веков, помогает ощутить себя существующим не только в настоящем, но и в прошлом. Религиозные истины всегда адресованы не только конкретным людям или аудиториям, но всем без исключения, в расчете на то, что тот,

кто захочет и сможет, воспримет их. «Имеющий уши да услышит». Вряд ли можно сказать, что они воспринимаются так, как должны восприниматься, но это зависит уже от каждого конкретного реципиента.

Поскольку и память, и созерцание, и ожидание - коллективные действия, неотделимые от коммуникации, от обсуждения, оценки, интерпретации и реинтерпретации, что в свою очередь требует активного применения различных знаковых (более узко) символических систем, то совершенно очевидно, что модусы времени, неотделимые от их переживания как специализированным, так и обыденным, повседневным сознанием, есть также и продукт социальных коммуникаций.

Социальное настоящее конструируется созданием бесконечного множества смыслов, облечения их в соответствующие знаковые формы и вовлечения людей в бесконечный дискурс по поводу важнейших событий, организацией синхронного движения смыслов, частью которого является коммуникативная активность каждого из нас.

Есть, однако, еще один аспект проблемы. Это сведение счетов с прошлым, это конструирование более-менее ближайшего прошлого, которое хранится в еще живой памяти современников, но постоянно переписывается, реинтерпретируется, является полем коммуникативной борьбы, сражения противостоящих друг другу систем смыслов. Интерпретируя ближайшее прошлое, мы тем самым конструируем образ сегодняшнего дня, создаем репрезентации настоящего. Отнюдь не случайно наблюдается ожесточенная смысловая полемика по поводу таких событий ближайшего прошлого, как голодомор, как роль ОУН-УПА во второй мировой войне и многое другое. Прошлое останется в социальной памяти таким, каким оно будет сконструировано в процессах нынешней социальной коммуникации, каким его репрезентирует наша ностальгия. Ностальгия и споры о прошлом - печальная привилегия старших поколений. Молодые живут только в настоящем, которое для них тоже станет со временем прошлым и которое они также будут интерпретировать *пост-фактум*.

Социальная коммуникация есть движение смыслов не только в социальном времени, но и в социальном пространстве.

Социальное пространство есть вертикально-горизонтальная архитектоника мест человеческого существования, мест нашей активности, нашей деятельности, попросту говоря нашей жизни. Мы, в принципе, можем перемещаться в социальном пространстве, переходить в ближайшие и более отдаленные его пределы, иногда помещать себя очень далеко от места своего происхождения и постоянного обитания.

Топология современного социального пространства слабо изучена и слабо описана. Мы имеем лишь самые общие представления о его организации, о соотношении социально-классовых, политических, культурных, профессиональных, конфессиональных территориях. Но бесспорно то, что каждая из них обладает своим замкнутым семантическим полем, в которое пришельцу трудно проникнуть, труднее даже, чем путешественнику во времени. Много раз описанный культурный шок есть не что иное, как потрясение от внезапного погружения в чужую знаковую среду.

Каждая обособленная территория социального пространства имеет свой язык, говоря более широко, свои культурные коды и свою стратегию коммуникативного поведения по отношению к тому, что происходит за ее границами.

Достаточно хорошо охарактеризованы некоторые стратегии коммуникативного взаимодействия социальных пространств: от нейтрального, мирного сосуществования, до безудержного заимствования или активной смысловой экспансии. Классический случай - напряженные коммуникативные отношения широко понимаемого Запада с широко понимаемым Востоком.

Есть страны, которые в социально-пространственном отношении более-менее однородны, и такие, которые отличаются значительной гетерогенностью. Украина в вертикальном измерении социального пространства более-менее однородна. И олигархи, и формирующийся средний класс, и бедные, и нищие не особенно отличаются важными для них смыслами. Все что их отличает, относится к узкой экономической сфере, в культурном плане их не отличает практически ничего, их знаковые миры населены близкими, схожими или даже подобными политическими, эстетическими, духовными и прочими смыслами, большей частью весьма скудными и примитивными.

Но если взглянуть на проблему в горизонтальном плане, привязанном к культурно-географической специфике, обнаруживаются весьма ощутимые различия. Важно понять, что их отграничивают друг от друга не только различные ценности, традиции, мировоззрение, политические предпочтения вплоть до внешнеполитических ориентаций. Их отграничивает относительно замкнутая система внутреннего движения, циркуляции собственных смыслов, значений и форм их знакового воплощения. И многие проблемы взаимодействия этих пространственных ареалов в рамках одной социальной системы коренятся не в различии ценностей, а в различии форм внутренней социальной коммуникации. Эти пространства не то, чтобы не соглашаются друг с другом, они часто плохо понимают друг друга или не понимают вовсе.

Темпоральные и спациарные представления (различия и переживания прошлого, настоящего и будущего, различия ареалов обитания в социуме) формируются и существуют как коллективные представления, не только выраженные в знаковой форме, но возникшие в процессе коммуникативного осмысления собственного и чужого опыта, на основе развитых знаковых систем. В примитивных обществах мир не выглядит организованным по оси времени и в координатах пространства. В культурной антропологии представлено немало свидетельств того, что артикулированные коллективные представления о времени и пространстве начинают формироваться только в эпоху цивилизации, с появлением письменности, с развитием устойчивых, символических универсумов. Они связывают события коллективной истории в единое длящееся временное целое, структурированное на прошлое, настоящее и будущее.

Социальная коммуникация или легитимизирует, или делегитимизирует нужный порядок пространства и нужный порядок времени, она есть инструмент символической борьбы за сохранение или преобразование соответствующих полей, за преобладание медийных и символических капиталов.

Временные и пространственные представления каждого из нас, таким образом, не даны нам от рождения и не выработаны нами персонально. Они заданы социальной коммуникацией, в которой наиболее полно проявляет себя символическая власть, сопротивляться которой намного сложнее, чем власти политической и власти экономической.

Современное социальное время ускорилось. Современное социальное пространство сжалось. Современный человек – «торопящийся человек». Благодаря работам Леви-Стросса, Дюркгейма, Вебера, Гуревича, Фромма, Мосса, Хальбвакса мы подчас больше знаем о темпоральных и пространственных представлениях примитивных и античных обществ, средневековья, начала индустриальной эпохи, чем о формах и способах переживания времени и пространства современным человеком, его хронотопах. Но без такого знания нам сложно понимать и объяснять его сознание и поведение.